

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ПРИКАМЬЯ

Ижевск
2002

УДК 930.26 (471.34) (082)
ББК 63.4 (2Р36, 8) я 43
С 692

С 692 Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Сборник статей. Ижевск. Издательский дом “Удмуртский университет”, 2002, 296 с: илл.

ISBN 5-7029-0010-3

© Издательский дом “Удмуртский университет”, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Голдина Р.Д. Камско-Вятской археологической экспедиции – 22 года	7
Мельникова О.М. Современный исследовательский коллектив в археологии как объект научного анализа	21
Лещинская Н.А. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н.э.	38
Лаптева Н.А. Конструктивная классификация застезек Прикамья III в. до н.э. – V в. н.э.	69
Голдина Е.В. О хронологи бус неволинской культуры	82
Черных Е.М. Древнепермское жилище: итоги археологического изучения	103
Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкции)	131
Ютина Т.К. История населения южной Удмуртии в VI–XIV вв.	157
Пастушенко И.Ю. История изучения так называемой “сылвенской” культуры	171
Макаров Л.Д. Итоги и перспективы изучения славяно-русских древностей Нижнего Прикамья	187
Перевощиков С.Е. Технологические характеристики кузнечных изделий памятников позднего средневековья Вятского бассейна	208
Казанцева О.А. Из истории гончарства Удмуртии в конце XIX – начале XX в.	218
Шапран И.Г. Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии)	242
Шаталов В.А. Костяные гребни Пприкамья эпохи раннего железного века	288
Список сокращений	295

Perevoschikov S.E.

Technological characteristics of the blacksmith's items of the later Middle Ages of the Vjatka region

The article gives a comparative metallographic analysis of some hard wares made by Mari and Russian blacksmiths in XII / XIII–XIX centuries.

Besides some reasons of technological backwardness of the local tribes from the smith All-Europe level.

Казанцева О.А.

**ИЗ ИСТОРИИ ГОНЧАРСТВА УДМУРТИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Одним из интереснейших источников по гончарному производству являются сведения, полученные в результате анкетного опроса населения (АОН). В 1960-х гг. уникальные материалы о гончарстве на территории РСФСР, Белоруссии, Украины с помощью данного метода были собраны А.А. Бобринским [1, с. 15]*. Обследование очагов гончарного производства в разных районах европейской части России (в т.ч. и в Удмуртии) позволило получить информацию о гончарной технологии: о приемах отбора глины, подготовке формовочных масс, конструирования посуды, обработке поверхностей (внутренней и

внешней), способах обжига. По археологическим источникам, связанным с гончарством, бывает трудно представить отдельные моменты керамического производства. Например, имея даже богатые выборки глиняной посуды из древних памятников, археологи не всегда располагают орудиями труда гончаров; отсутствуют сведения о названиях керамики, производственной лексике мастеров. В этом плане выгодно отличаются этнографические источники конца XVIII – середины XX в., которые содержат данные об ассортименте, названиях гончарной продукции, устройствах для обжига посуды, производительности

---

*Автор благодарна д.и.н. А.А. Бобринскому (Институт археологии РАН, г. Москва) за возможность использовать этнографические материалы анкетного опроса населения (АОН) из рукописного научного архива данных о восточноевропейском гончарстве, хранящиеся в лаборатории "История керамики" Института археологии РАН.

труда мастеров, приемах обработки сосудов (секреты мастерства), способах и процессе приготовления формовочных масс, рынках сбыта глиняной посуды и т.д.

В 1993 г. на территории Удмуртии автором статьи был проведен повторный АОН**. В результате были собраны дополнительные сведения о гончарстве.

Тема гончарства в Удмуртии не имеет достаточно полного освещения в местной литературе (этнографической и археологической). Одной из главных причин этого является неразработанность данной проблематики, отсутствие работ обобщающего плана. Имеются краткие указания о гончарном промысле в монографии Н.П. Лигенко [2, с. 45, 71, 95, 102, 143].

Собранные ею по четырем уездам данные о размещении промыслов на территории Удмуртии к концу XIX в. свидетельствуют о том, что гончарством занимались в Бисеровской, Юрской, Нижней Уканской, Кычановской, Елганской волостях (Глазовский уезд); Узинской, Кильмазской, Большеучинской, Шудинской, Малорожкинской волостях (Малмыжский уезд); Александровской, Можгинской, Макань-Пельгинской, Бемышевской, Лекаревской, Качкинской, Кураковской, Мушаковской, Пьяноборской волостях (Елабужский уезд); Дебесской, Петропавловской, Большепур-

гинской, Нылги-Жикьянской, Сосновской, Шарканской, Полозовской, Ижевской, Воткинской, Сарапульской, Киясовской, Арзамасцевской, Чегандинской, Каракулинской волостях (Сарапульский уезд) [2, из карты-схемы].

На карте современных административных районов Удмуртии информация Н.П. Лигенко выглядит так, что западная часть Удмуртии остается “белым” пятном. Автор объясняет это конкуренцией вятских гончаров [2, с. 45].

Любопытен факт существования специальной Лемской гончарной мастерской, где обучали гончарному делу представителей всей республики [2, с. 143].

Из материалов этнографической экспедиции, полученных по Селтинскому району в 1980 г., известно, что в д. Чаня-Бия проживали гончары, которые делали “...кирпич, корчаги, игрушки, свистульки. Посуда полировалась. Всю продукцию мастера вывозили на базар” [3, с. 75–76]. Данные этнографической экспедиции 1987 г. в Кезском районе Удмуртии свидетельствуют, что в 30-е годы XX в. в Кулиге действовала гончарная мастерская, которая снабжала посудой всю округу [4].

М.В. Гришкина, исследуя хозяйство удмуртов конца XV – первой половины XIX в., определила гончар-

---

**В АОН используется принцип опроса населения по административным районам республики. Автор признательна информантам, приславшим сведения о гончарстве.

ное производство по уровню развития как домашнее [5, с. 51]. Этнограф В.В. Пименов выделил среди набора домашней утвари удмуртов и глиняную посуду [6, с. 144–145; 7, с. 160, 162]. В.Н. Белицер, основываясь на собственных наблюдениях, считает, что гончарство удмуртов было недостаточно развито [8, с. 485], а по мнению В.Е. Владыкина, удмуртам был хорошо знаком горшечный промысел [9, с. 50]. Из этих сведений становится ясно, что гончарство играло определенную роль в структуре экономики Удмуртии, занимая небольшую долю среди других промыслов.

В археологической литературе превалирует описание конечного результата гончарной технологии – керамики. Анализируются морфология глиняной посуды, некоторые детали технологии (состав глиняного теста), определяется культурная принадлежность носителей керамики. Но все имеющиеся данные об этом виде деятельности не отличаются той полнотой сведений, которые можно получить от информантов-гончаров. К тому же лучший способ выяснения степени развития гончарного дела – исследование самого процесса изготовления гончарной продукции.

Цель исследования – обобщение данных АОН (1960-х, 1993 гг.) и на этой основе реконструкция общей линии гончарной технологии в Удмуртии. В качестве источников данной

работы используются материалы 39 информантов. В их число входят сами гончары, их родственники, современники (председатели или секретари сельских Советов, в чьи районы были направлены анкеты с вопросами). Перечень вопросов был рассчитан на получение следующей информации: названия мест, где добывали глину; признаки выбора глины в качестве исходного сырья; приготовление формовочных масс; формовка сосудов; их сушка; обработка поверхностей; обжиг; инструменты и рабочее место мастера; производительность труда; ассортимент изделий; рынки сбыта; гончарная лексика и т.д. Полученные сведения неоднородны, отличаются объемом, качеством информации, хотя некоторые из писем снабжены рисунками, фотографиями, но все они одинаково важны, т.к. дополняют друг друга. В силу того, что отдельные детали гончарства информантами опущены, воссоздать подробно процесс не удалось. Так, при описании устройств гончарных кругов, горнов для обжига посуды отсутствуют указания на размеры определенных частей, их материал и другие параметры, поэтому воспользоваться такими источниками в полной мере было трудно. Остановимся лишь на некоторых сюжетах гончарства в Удмуртии, используя материалы информантов.

Картографирование центров гончарства (населенных пунктов, где

кители занимались изготовлением керамики), по данным АОН, позволяет заключить, что гончарство было занятием повсеместным (рис.1)*. Тем самым вывод Н.П. Лигенко о наличии “белого” пятна на западе Удмуртии не подтверждается. Другое дело, что в одном районе работали кустари-одиночки [26, с. 2], а в другом – почти все жители, например в д. Малькан Вавожского района [23, с. 2]. “... 30–35 человек мастеров д. Ивановское Нылгинского района обеспечивали своей продукцией почти всю республику” [34, с. 8]. В д. Гурзевай (Шарканский район) из 40 дворов в десяти проживали гончары. Мастера продавали свои изделия не только в ближайшие села, деревни, но и в города: Воткинск, Ижевск, Глазов [20, с. 10]. В ряде районов гончарный промысел не был известен [14, с. 1; 15, с. 2]. Тогда местное население вынуждено было покупать глиняную посуду в других областях или районах [19, с. 8]. Например, в Селтинский район, до того как там научились лепить посуду, ее привозили из д. Поломовщина Богородского района Кировской области [28, с. 3]. Есть сведения, что в Кизнерский район, несмотря на то, что гончарством там занимались, глиняную посуду завозили из другого района – Вавожского [32]. Интересно, что в д. Пальники Шарканского рай-

она гончары переехали из Вятской губернии Нолинского уезда [18, с. 5].

Имеется одно упоминание о дифференциации по полу в гончарном деле. По мнению информантов, в Можгинском районе “гончарное дело было мужским и подростковым занятием, но были случаи и женщины лепили...” [40, с.12], но конкретных сведений нет ни об одной гончарке. Во всех остальных анкетах опрашиваемых гончары – мужчины. Передача мастерства в среде гончаров шла по линии “отец–сын”, “брат–брат”. Братья Микрюковы из д. Гурзевай (Шарканский район) научились от отца делать посуду с 12 лет, позднее стали работать самостоятельно. Один из них, переехав в Воткинск, продолжал дело до 1994 г. [40]. В Кезском районе гончарством занимались братья Гавшины из с. Кулиги [35, с. 3], а в Селтинском – отец и сын Беляевы (Андрей Федорович и Михаил) [13].

Практически во всех районах мастеров называли “гончарами” [20, с. 10], “горшечниками” [28, с. 1]. Исключения составляют лишь Сарапульский [25, с. 1] и Кезский [35, с. 4] районы – там применяли название “черепан”. Интересны сведения о том, что в Воткинском районе были деревни с названиями Латково, Черепановка, но гончарного дела там не было и гончары не проживали [38]. Гончарная лексика содержит не только названия

---

* Иллюстративный материал выполнен художником И.Г. Соловьевой, за что автор работы искренне признателен.

мастера, но и названия способов формовки сосуда, инструментов, применяемых при этом, изделий. Порции глины – “катышки” [35, с. 5]. Глина, пригодная для формовки сосуда, – “ком” [25, с. 1]. Для обозначения приема конструирования сосуда путем наращивания из жгутов применялась лексема “нагораживать” [35]. Поздняя лексема “вытягивание” называла способ формования сосуда из одного куска глины [25]. В Шарканском районе лексемой “на вытяжку” обозначался способ работы на ножном круге [18, с. 3], а понятием “на лепку” – способ работы на ножном гончарном круге. “Обтачивать” – заглаживать поверхность сосуда с помощью специального деревянного ножа [37]. Интересно название холщового полотенца для “затирки” стенок сосуда – “погалешек” [10]. Сосуды для запекания пищи (жаровни) называли “тушильники” [41], сосуды для комнатных цветов – “подсадовники” [10], гончарный горн – “каленка” [40, с.14].

Добыча исходного сырья. В большинстве районов (Алнашском, Воткинском, Дебесском, Можгинском, Нылгинском, Сарапульском, Шарканском) использовалась местная природная красная глина, которую добывали в окрестностях деревень с глубины от 0,2 до 3,0 м обыкновенной лопатой [24, с. 1; 10; 29, с. 2; 30, с. 3; 38, с. 2; 33; 25; 18, с. 2; 20, с.11]. В Красногорском районе глину доставали с

глубины 1,0 м, применяя при этом кирку [37, с. 2]. В Малопургинском районе глину светло-коричневого цвета копали около р.Иж, затем в нее подсыпали 20–30 % речного песка [16, с. 1]. В Кизнерском районе использовали желтую [31], в Кезском – темно-каштанового цвета глину [35]. Сведения о глинах отмечены на рис. 2. Вероятно, для гончаров существовали специальные места добычи сырья (глинища) в пределах от 50 м до 500 м от их места жительства. Интересно, что никакие дополнительные примеси в глину не вводились в Воткинском, Дебесском, Кезском, Кизнерском, Красногорском, Нылгинском, Сарапульском, Селтинском, Шарканском районах [10; 29; 35, с. 4; 31; 37, с.2; 33, с. 4; 25; 28, с. 2; 20, с. 12]. По мнению мастера П.Г.Макарова, “...добавлять в глину ничего нельзя, это только затрудняет работу” [12]. Имеются лишь сведения, что в Ижевском районе до XVI в. добавляли толченую раковину, а в XVII–XVIII вв. – речной песок [21].

Самый распространенный способ определения пригодности глины для работы заключается в том, что гончар брал глину в руки, смачивал слюной, скатывал в комочек, если глина не давала трещин, значит, была годна для лепки. В Кизнерском районе годность глины определяли при помощи ножа. При разрезе глина не должна приставать к лезвию, а стенки ее должны выглядеть как “стеклян-

ные”, и “глина мылится лучше, чем мыло” [31]. Еще один способ существовал в Балезинском районе: “чуть смоченным пальцем провести по глине, если останется гладкий след, значит, глина пригодна для работы...” [12]. При подборе глины учитывались ее цвет, пластичность. Соблюдались определенные традиции. Так, например, на вопрос “Почему берут глину красного цвета?” информант отвечал: “...потому что и дед, и отец такую брали...” или: “...из другой и не получится” [10]. В Кезском районе пластичность глин сравнивалась с пластилином [35, с.4].

Обработка исходного сырья. Глину привозили домой на тачке либо на телеге на лошади. Сначала ее хранили в сенях дома во влажном состоянии [12]. Затем рассыпали на рогожу из мочала в избе, после чего глину распаривали водой и размешивали до пригодности раствора. Создавали определенный запас глины, чтобы потом не отвлекаться от процесса. “В среднем 4–6 ведер глины хватало на 1–1,5 дня работы. Из этого количества выходило около 50 небольших горшков...” (данные только по одному мастеру – В.С. Микрюкову, Воткинск) [10]. В Кезском, Красногорском, Шарканском районах глину топтали ногами до тех пор, пока она не становилась вязкой, чтобы не разваливалась [35, с. 4; 37, с. 2, 20, с. 12]. В среднем на эту операцию требовалось часа два. В Сара-

пульском районе глину замачивали (“квасили”), ждали, когда разойдутся отдельные крупинки после перемешивания, потом выкладывали на мешковину и топтали ногами до тестообразного состояния. Гончары Селтинского района вместо мешковины использовали брезент [28, с. 2]. В Нылгинском районе глину насыпали в теплом помещении на рогожу слоем 10–20 см и смачивали теплой водой. Она “прела” так 10–12 часов, после чего ее месили ногами. Готовую глину для формовки сосудов сравнивали с хлебным тестом – “однородная масса без комочков и корней, которые вызывают получение пустотелой посуды” [38, с. 3]. Если гончар лепил не сразу, как приготовил формовочную массу, глину заворачивали в большие куски ткани и закрывали, чтобы не высохла. Лепкой сосудов мастер занимался дома, на кухне. Готовые изделия ставили рядом на лавку (рис. 10).

Вся посуда изготавливалась на гончарном круге. Широко использовался переносной ручной гончарный круг (рис. 3), состоящий из нескольких частей. Первая – рабочее место мастера – деревянная скамейка (рис. 3–1), вторая – деревянный диск круга (рис. 3–2), на нем производилась непосредственно лепка сосудов. Диаметр ручных кругов – от 25 см в Глазовском [22, с. 5], 30 см – Киясовском [18, с. 3], 45–50 см – Кезском [35, с. 5], 50 см – Дебесском [29, с. 2; 30,

с. 2], Киясовском [36, с. 3], 50–60 см – Сарапульском [25, с. 2], Можгинском [39, с. 5], 60–70 см – Можгинском [40, с. 14] до 75–80 см – Нылгинском районах [34, с. 6]. Выявилась интересная закономерность в увеличении размера диаметра гончарного круга: по территориальному принципу – с севера на юг (табл. I). Третья часть – вращатель диска – край диска рабочей площадки (рис. 3–3). Наконец, ось круга, на которую надет диск (нет данных о ее размерах, конструкции), и опорный подшипник центрального действия (рис. 3–4), способствующий вращению рабочей площадки. Ось круга могла быть деревянной, например в Киясовском районе [36, с. 3], или металлической – в Воткинском районе [10]. Смазка трущихся деталей производилась различными маслами. Опорный подшипник крепился к скамейке при помощи железных болтов.

Ножные гончарные круги использовались в Можгинском [39, с. 1], Шарканском [18, с. 3], Граховском [41] районах. Точных сведений об устройстве ножного круга нет, но из материалов АОН очевидно, что круг состоял из рабочего места гончара, рабочего диска, на котором формовали посуду, и нижнего круга (для вращения ногами). Оба круга соединялись деревянным или металлическим стержнем.

Орудия труда мастеров. Для подправки стенок при формовке сосуда применяли деревянный нож, выпол-

ненный обычно из липы (рис. 9–1–3). В Можгинском районе нож называли скребком [40, с. 14]. Кроме ножа, для заглаживания внутренних и внешних поверхностей сосуда использовали мокрое холщовое полотенце (“погалешек”) в Воткинске [10], влажную тряпку в Можгинском [40, с. 14], кусок грубого материала [18, с. 5] или ситцевую салфетку [12] в Шарканском районах. Готовый сосуд убирали (“срезали”) с рабочей площадки круга при помощи тонкой металлической проволоки, иногда применяли струны от балалайки [12]. Свинец для глазури плавил в металлическом котелке, укрепленном на треноге. Перемешивали свинцовый порошок обычной ложкой с удлиненной ручкой или деревянной палочкой.

Перед обжигом готовые изделия с внутренней и внешней сторон смазывали свинцовым раствором в Малопургинском [16, с. 3], Воткинском [10] районах. “...После того как стенки посуды заглажены, покрывают внутреннюю и внешнюю стороны тонким слоем жидкой сосновой смолы, которую разводят керосином. Это делается, чтобы лучше прильнул сурик или свинец...” [20, с. 14; 22, с. 5]. Мастера Нылгинского района посуду смазывали берестовым дегтем, а “обмазанные части обсыпали порошком свинцового сурика...” [34, с. 7]. Свинцовый сурик гончары готовили пережиганием кусочков свинца в железном котелке на треноге до порошкообраз-

ого состояния (рис. 9–5). Свинцовой пылью обсыпали посуду в Сарапульском районе [25, с. 2]. Гончары Можинского района, кроме смазывания молодой, обсыпания порошком свинца, “раскрашивают нужными красками, а некоторые покрывают пошлом битого стекла...” [40, с. 14]. В Ижевском районе в XVII–XVIII вв. керамика использовалась без поливы, в XIX–XX вв. – с поливой, но указаний, как ее делали и как она наносилась, нет [21]. Все дополнительные способы обработки поверхностей сосудов преследовали одну цель – водонепроницаемость. Для домашней утвари это важное качество. Готовые изделия сушили до обжига при комнатной температуре 3–4 суток в Воткинском [10], 5–6 дней в Шарканском [20, с. 14], 8–10 дней в Глазовском районах [12].

Обжиг чаще всего производили в русской печи [42, с. 1; 29, с. 2; 37, с. 2]. Для работы на заказ строили специальные устройства – горны для обжига посуды, которые располагались во дворе, огороде (рис. 6) или за деревней на косогоре [27]. Гончары придавали большое значение обжигу: “...Калить надо умеючи, иногда дров подкинешь чуть больше – будет брак, а еще важно, чтоб глина не пересохла...” [10]. В качестве топлива использовали еловые и березовые дрова. Сведений о конструкции горнов практически нет. Есть лишь общее описание. Например, в Шарканском

районе: “...Всего 20 рядов кирпича, 2 ряда – основание, после чего топчаные дверцы. На 9-ом ряду начинается чело, куда закладывается керамика” [18, с. 4]. Обязательное условие – “первый ряд посуды укладывается устьем вверх, остальные по усмотрению мастера” [18, с. 4; рис. 6–2]. В Нылгинском районе горн для обжига изготовлен из обычного красного кирпича. Размеры его – 2,0×1,5×1,4 м, высота – 2 м со сводом. Обжиг в нем длится 5–6 часов [34, с. 7]. На чертеже изображен подобный гончарный горн В.С. Микрюкова (рис. 7). Горн располагался в огороде, в деревянном сарае, который надежно укрывал его от всевозможных осадков. Сложен из красного кирпича, имеет высоту 1,70 м, ширину 2,50 м, специальную трубу из железа для вытяжки. По мнению владельца, “...если еще добавить 2–3 ряда кирпичей, тяга будет лучше” [10]. Внизу – топка, куда закладываются дрова. Гончар использовал только еловые и березовые дрова. Посуду для обжига спускал через верх. Первый ряд изделий устанавливался на кирпичную кладку устьем вверх, второй – устьем вниз и т.д. В среднем горн вмещает около 300 сосудов в один прием обжига.

Ассортимент продукции и (рис. 4) перечень изделий гончаров, предназначенных для нужд личного хозяйства, включал чашки в Граховском [41], Малопургинском

районах; кринки для молока емкостью 1,5 л в Шарканском, Воткинском [10], Сюмсинском, Киясовском, Глазовском районах; корчаги для воды или кваса в Дебесском [11], Киясовском [36], в Воткинске [10]; сосуды для умывания (умывальники) в Шарканском районе [10]; горшки для комнатных цветов в Малопургинском [16, с. 1], Можгинском [40, с.13] районах; квашни в Можгинском районе [40]; трубы для русских печей в Дебесском [29, с. 2], Малопургинском [16, с. 1] районах; поилки для цыплят в Малопургинском районе [16]; жаровни – “тушильники” в Граховском районе [41]; Воткинске [10]; кружки [12]; плошки в Граховском районе [41]; банки в Воткинске [10]. Кроме того, информанты сообщают, что, например, в Дебесском районе делали посуду емкостью от 0,5 до 10 л без уточнения конкретных форм сосудов [11]. Мастера Шарканского района лепили горшки разной формы объемом от 1 до 30–40 л [20, с. 16]. Нет указаний на определенную форму сосудов в Ижевском [21], Воткинском [17] районах. Ассортимент изделий изменялся в зависимости от спроса покупателей и времени года. Например, В.С. Микрюков (г. Воткинск) весной делал цветочные горшки – “подсадовники”, летом – корчаги для кваса, осенью – жаровни (рис. 8). За один день он мог сделать 30–40 экземпляров посуды [10]. Другой

гончар – Алексей Николаевич Пашкин из Киясовского района в день изготавливал по 80 штук кринок емкостью 1,5 л или по 25 корчаг. Оба мастера делали посуду на продажу. По мнению А.Н. Пашкина, “...до революции гончарное производство давало деньги... полутораведерная корчага стоила 10 копеек” [36, с. 3]. По имеющимся данным об изделиях можно отметить определенную специализацию в типах продукции и месте изготовления (рис. 4). Например, глиняную пластику – игрушки и квашни – делали только в Можгинском районе [40]; печные трубы – в Дебесском и Малопургинском районах; жаровни – в Воткинском, Граховском районах и т.д. Мастера изготавливали глиняную продукцию только для личного хозяйства в Дебесском [29], Сюмсинском [42, с. 2] районах. Только на рынок лепили сосуды гончары Киясовского [36] и Малопургинского [16] районов. Для своих нужд и для продажи делали керамику в Воткинском [10] и Можгинском [40] районах. Ассортимент изделий одинаков: для личных хозяйств и на рынок (кринки для молока, корчаги для воды или кваса, подцветочники, чашки, жаровни). Действовала и система перепродажи керамических изделий. В основном это касалось привозной посуды из Кировской области. Готовую продукцию перевозили в Удмуртию, а затем переправляли на крупный ры-

нок: Кировская область – Юкаменский район – рынок г. Глазова [22].

Говоря о роли гончарства в структуре экономики Удмуртии, необходимо отметить, что производство глиняных изделий чаще всего было ориентировано на внутренний рынок (личные нужды, отчасти на продажу в пределах Удмуртии). Ассортимент продукции был весьма разнообразен. Однако в силу обеспечения личных потребностей в глиняной продукции данный промысел не получил широкого развития среди крестьян. Вторая причина недостаточного распространения гончарства – деятельность артелей (в 20–40-е гг. XX в.), которые буквально “заполнили” кустарей и благодаря своим технологическим усовершенствованиям имели большую производительность. По этнографическим исследованиям Удмуртского республиканского краеведческого музея в 1958–1961 гг. ученые сделали заключение, что в удмуртских деревнях гончаров не осталось. Для экспозиции музея не удалось купить гончарный круг и орудия мастеров. Объясняют этот факт тем, что производственные артели закупили все гончарные круги у населения [21]. Артелей было несколько, например в д. Русские Сибы [38, с. 1], в Глазовском районе в 20–30-е гг. гончарством от кооперации и с/х артели занимались Андрей Поликарпович Поздеев и Антон Прокопьевич Ефремов [22, с. 3], в

1942–1946 гг. в Алнашском районе в с. Голюшурма существовала гончарная артель, приехавшая из Можгинского района [24, с. 1].

Автор статьи не претендует на раскрытие полной картины гончарства в Удмуртии, а лишь детализирует отдельные этапы истории гончарства в указанное время. Данный способ изучения гончарства относится к роду эмпирических, в результате которого составляется описание полученных сведений. Эмпирическое накопление знаний характерно и для самих гончаров, т.к. суть ремесла – в контактной передаче “секретов” этого вида искусства.

Существенна проблема актуальности проведения АОН, т.к. чем больший временной промежуток отделяет исследователя от информантов, тем меньше вероятность получить достаточно подробную, объективную информацию. АОН – своего рода уникальный и перспективный метод изучения гончарства. Недостатком метода является то, что сведения о гончарстве давали люди, которые не являются специалистами в этой области ремесла, поэтому их описания не всегда могли быть точными. Кроме того, некоторые детали самого процесса информантами опущены, по их мнению, из-за неважности, незначительности. На взгляд же специалистов, они представляют определенный интерес, а иногда и существенный.

Автор надеется на отклики читателей, которые позволят определить место и роль мастера в сбыте продукции, выявить особенности гон-

чарства в отдельных центрах изготовления посуды и, наконец, выяснить роль артелей, которые “разрушили” кустарное производство.

Таблица

Сведения о материале, диаметре (толщине)
ручных гончарных кругов

Название района	Материал		Диаметр круга, см (толщина)
	круг	ось (веретено)	
Воткинский	дерево	металл	40 (6)
Глазовский	—	—	25,70 (7)
Дебесский	—	железо	не более 50
Кезский	—	металл	40–50 (4,5)
Киясовский	—	металл (дерево)	30,50
Малопургинский	—	металл	70
Можгинский	—	—	50–60
Нылгинский	—	—	75–80
Сарапульский	—	—	50–60
Селтинский	—	—	60
Сюмсинский	—	—	35
Шарканский	—	—	40 (6)

Библиографический список

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1979. 278 с.

2. Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма. 60–90-е гг. XIX в. Ижевск, 1991. 176 с.

3. Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность удмуртов во второй половине XIX в. // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX вв. Ижевск, 1991. С. 63–86.

4. Отчет о научной этнографической командировке в Кезский р-н УАССР с 27

августа по 2 сентября 1987 г. / Сост. н.с. отдела фондов Е.А. Туркевич; Национальный музей УР, г.Ижевск. Шифр 917 арх/М.

5. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – перв. пол. XIX в.). Ижевск, 1994. С.51.

6. Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 144–145.

7. Удмурты: Историко-этнографические очерки / Науч. ред. д.и.н. В.В. Пименов. Ижевск, 1993. 392 с.

8. Белицер В.Н. Удмурты // Народы европейской части СССР. М., 1964. Т.2. С.485.
9. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
10. Материалы АОН, Воткинский р-н. Сообщение В.С.Микрюкова от 08.05.1993 г.
11. Материалы АОН, Дебесский р-н. Сообщение Алевтины Владимировны Барышниковой от 01.06.1993 г.
12. Материалы АОН, г. Глазов. Сообщение Петра Галактионовича Макарова от 17.03.1993 г.
13. Материалы АОН, с. Копки, Селтинский р-н. Сообщение А.А. Ардашева от 20.04.1993 г.
14. Материалы АОН, Юкаменский р-н. Сообщение Абашева от 29.12.1961 г.
15. Материалы АОН, Юкаменский р-н. Сообщение от Риарковского с/с от 06.01.1962 г.
16. Материалы АОН, Малопургинский р-н. Сообщение К.С. Семенова от 30.12.1961 г.
17. Материалы АОН, Воткинский р-н. Сообщение И. Скоробогатова от 20.03.1962 г.
18. Материалы АОН, Шарканский р-н. Сообщение Л.Ф. Вахрушева от 06.01.1962 г.
19. Материалы АОН, Шарканский р-н. Сообщение из Кыквинского с/с от 28.12.1961 г.
20. Материалы АОН, Шарканский р-н. Сообщение К.С. Пономарева от 29.12.1961 г.
21. Материалы АОН, г. Ижевск. Сообщение замдиректора Респ. краеведч. музея В. Семенова от 1961 г.
22. Материалы АОН, Глазовский р-н. Сообщение И.Е. Наговицына от 31.01.1962 г.
23. Материалы АОН, Вавожский р-н. Сообщение Л. Борисова от 1961 г.
24. Материалы АОН, Алнашский р-н. Сообщение Терехова от 06.01.1962 г.
25. Материалы АОН, Сарапульский р-н. Сообщение В.Ю. Галанова от 1962 г.
26. Материалы АОН, Карсвайский р-н. Сообщение Светлакова от 11.01.1962 г.
27. Материалы АОН, Балезинский р-н. Сообщение председателя с/с, подпись неразборчива, от 08.01.1962 г.
28. Материалы АОН, Селтинский р-н. Сообщение Аникина от 1962 г.
29. Материалы АОН, с. Дебесы. Сообщение Шихова от 1962 г.
30. Материалы АОН, Дебесский р-н. Сообщение Поздеевой от 1962 г.
31. Материалы АОН, Кизнерский р-н. Сообщение С.Н. Городилова от 04.1962 г.
32. Материалы АОН, Кизнерский р-н. Сообщение Христолюбова, председателя Малоомгинского с/с от 14.01.1962 г.
33. Материалы АОН, Нылгинский р-н. Сообщение В. Акборисова от 26.12.1961 г.
34. Материалы АОН, Нылгинский р-н. Сообщение Ф.П. Зворыгина от 10.01.1962 г.
35. Материалы АОН, Кезский р-н. Сообщение Л.Д. Никонова от 1962 г.
36. Материалы АОН, Киясовский р-н. Сообщение Корнева от 1962 г.
37. Материалы АОН, Красногорский р-н. Сообщение Перминова И.М. от 1962 г.
38. Материалы АОН, Можгинский р-н. Сообщение Н.В. Копылова от 1962 г.
39. Материалы АОН, Можгинский р-н. Сообщение Г.С. Потапова от 10.01.1962 г.
40. Материалы АОН, Можгинский р-н. Сообщение А.Д. Белова от 28.12.1961 г.
41. Материалы АОН, Граховский р-н. Сообщение А.Т. Коновалова от 1962 г.
42. Материалы АОН, Сюмсинский р-н. Сообщение П.Е. Воронина от 29.12.1961 г.

№ на карте	Наименование района
24	Алнашский
3	Балезинский
16	Вавожский
15	Воткинский
2	Глазовский
23	Граховский
8	Дебесский
14	Завьяловский
7	Игринский
22	Камбарский
25	Каракулинский
4	Кезский
17	Кизнерский
20	Княсовский
6	Красногорский
19	Малоургулгский
18	Можгинский
21	Сарапульский
9	Селгинский
12	Сюмсинский
13	Увинский
11	Шарканский
5	Юкамский
10	Якпур-Бодьянский
1	Ярский

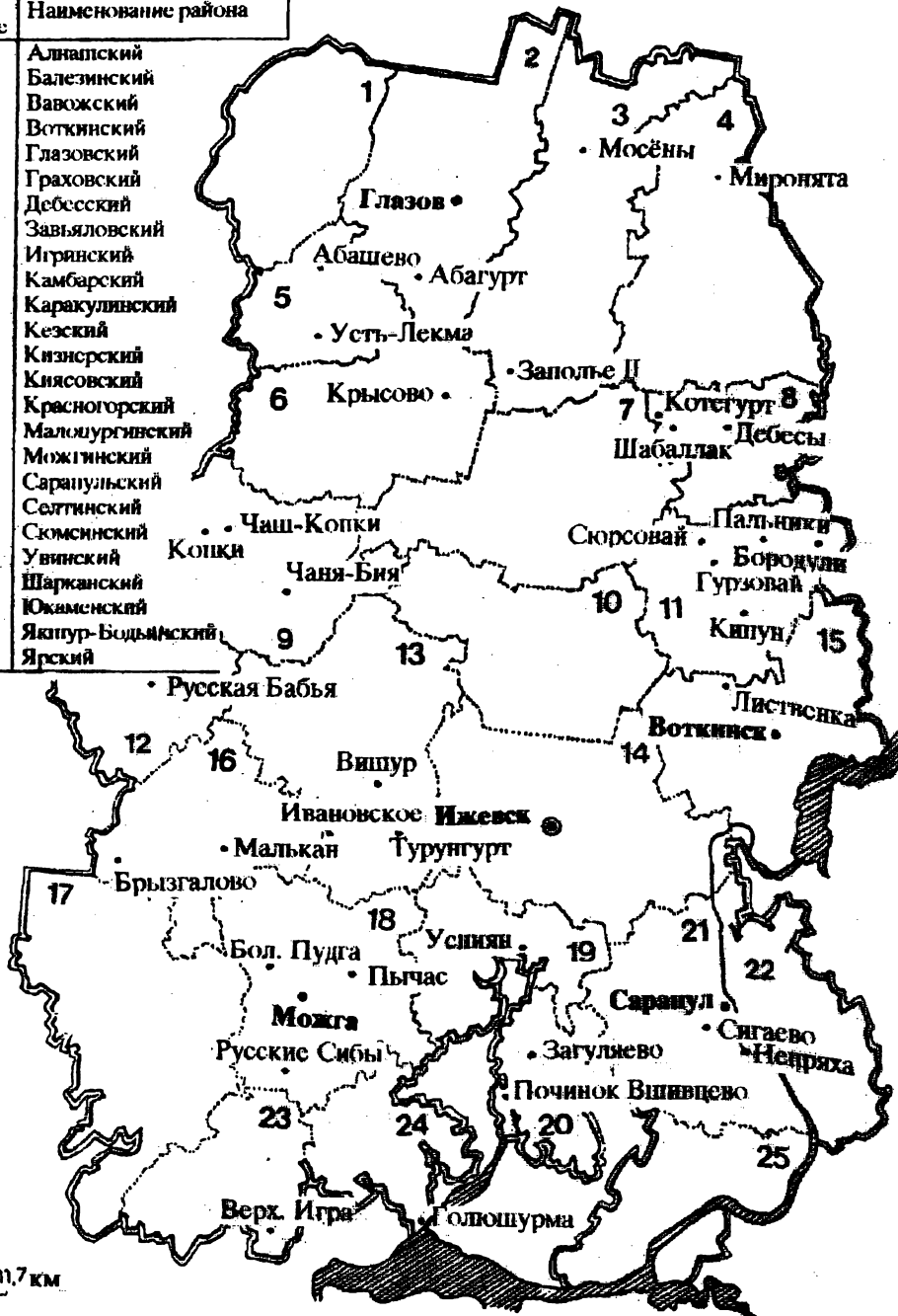

Рис. 1. Картографирование центров гончарного производства по данным анкетного опроса населения (АОН): Алнашский район – с.Голюшурма; Балезинский район – д.Заполье II; Вавожский район – д. Малькан, д. Брызгалово; Воткинский район – г. Воткинск, д. Лиственга; Граховский район – д. Верхняя Игра; Глазовский район – г. Глазов, с. Абагурт; Дебесский район – с. Дебесы, д. Шабаллак, Котегуртский с/с; Ижевский район – г. Ижевск; Карсвайский район – д. Мосены; Кезский район – с. Кулига; д. Миронята; Киясовский район – д. Загуляево, починок Вщивцево; Красногорский район – д. Крысово; Можгинский район – д. Русские Сибь; п. Пычас, с. Б.Пудга; Малопургинский район – д. Успиян; Ныллинский район – д. Турунгурт, п. Вишур, д. Ивановское; Сарапульский район – д. Сигаево, д. Непряха; Селтинский район – д. Чаш-Копки, д. Чаня-Бия, д. Копки; Сюмсинский район – д. Русская Бабья; Шарканский район – д. Пальники, д. Бородули, д. Сюрсовой, д. Кипун, д. Гурзовой; Юкаменский район – д. Абашево, д. Усть-Лекма

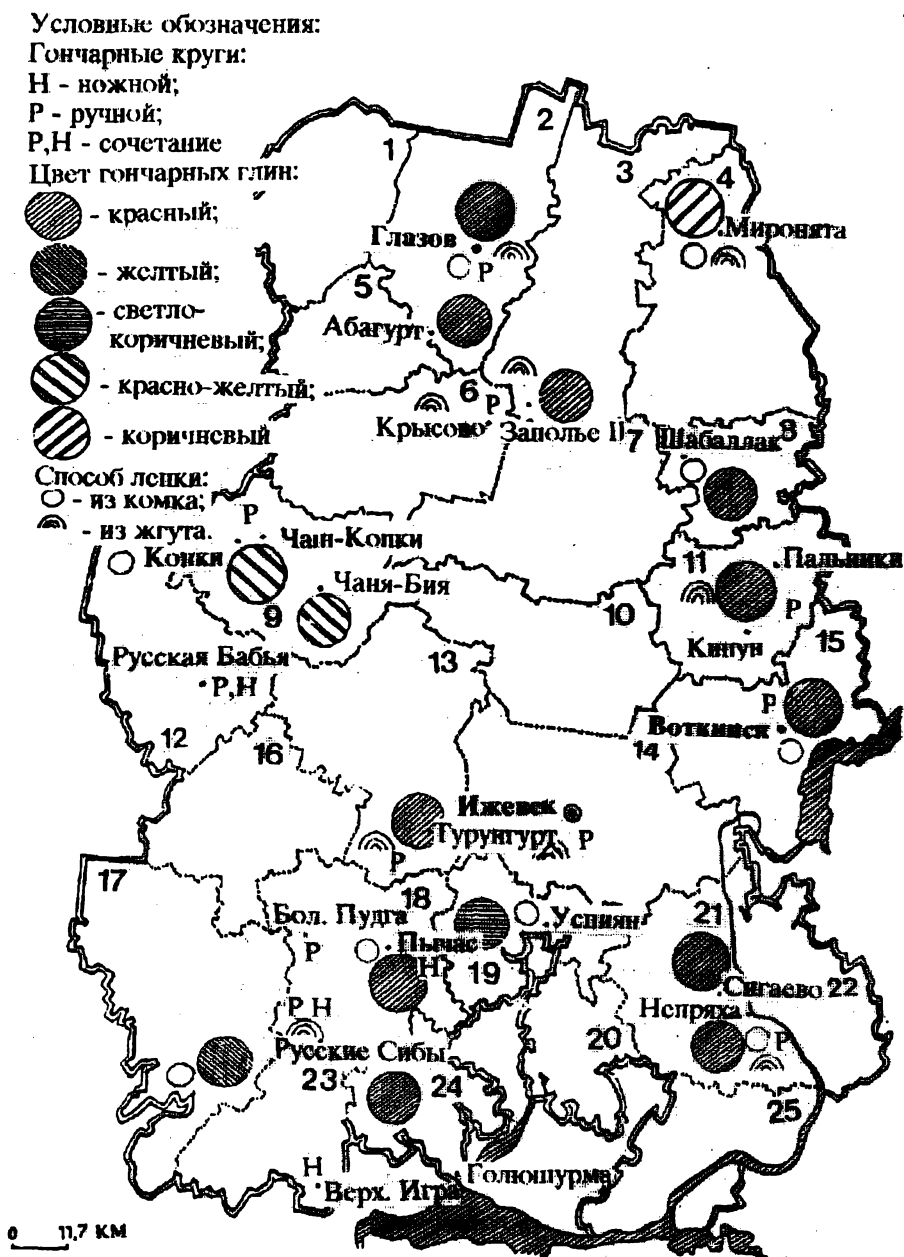

Рис. 2. Картографирование исходного глиняного сырья, видов гончарных кругов и способов лепки сосудов

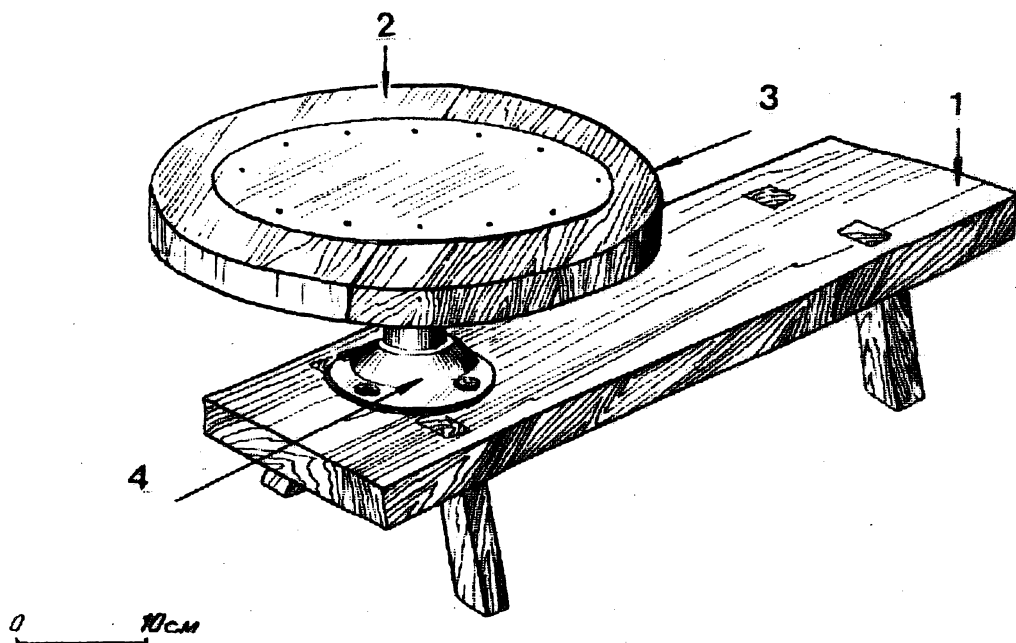

Рис. 3. Общий вид переносного ручного гончарного круга:
1 – рабочее место мастера (деревянная скамейка);
2 – деревянный диск круга;
3 – вращатель диска;
4 – опорный подшипник центрального действия

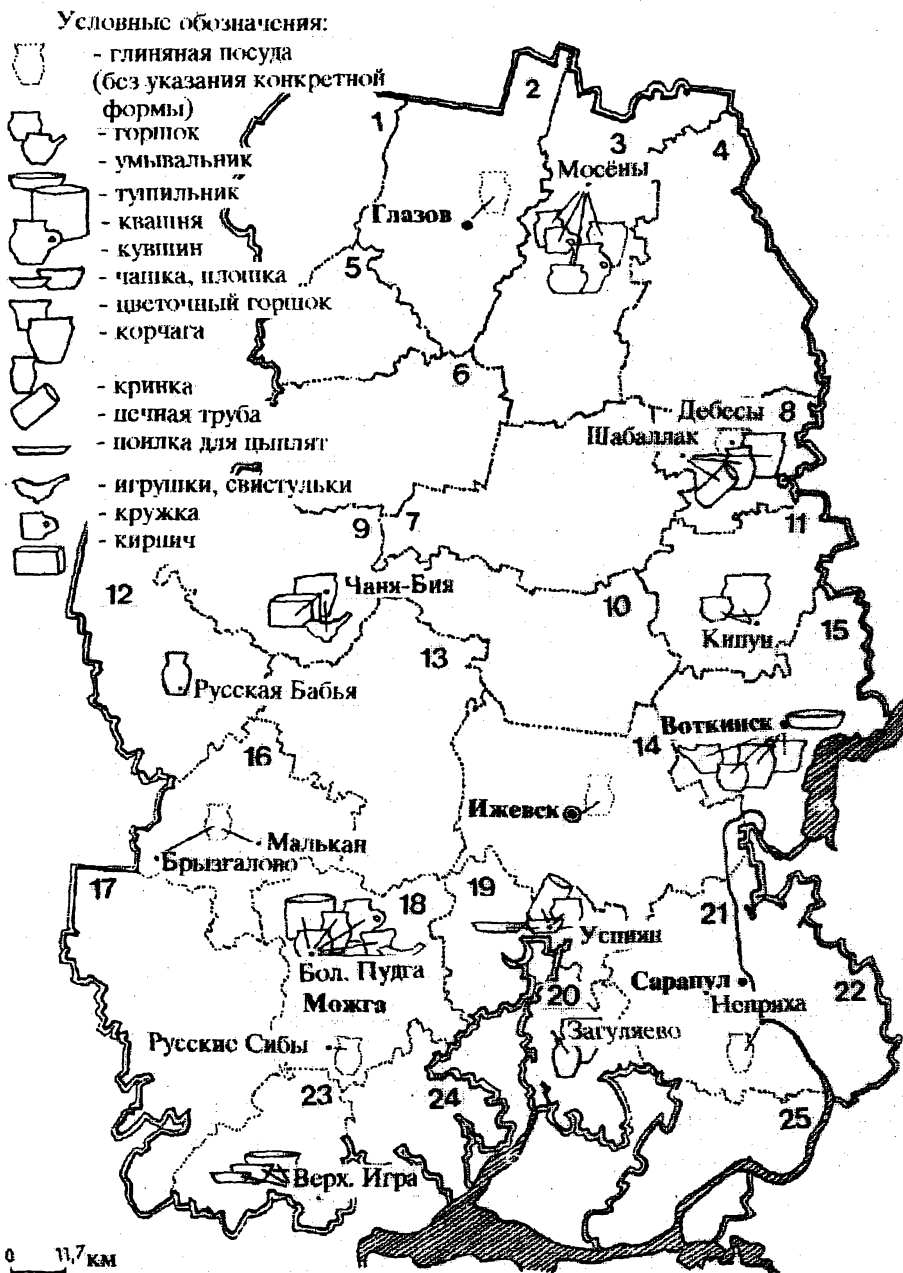

Рис. 4. Ассортимент гончарной продукции

Рис. 5. Процесс конструирования сосудов

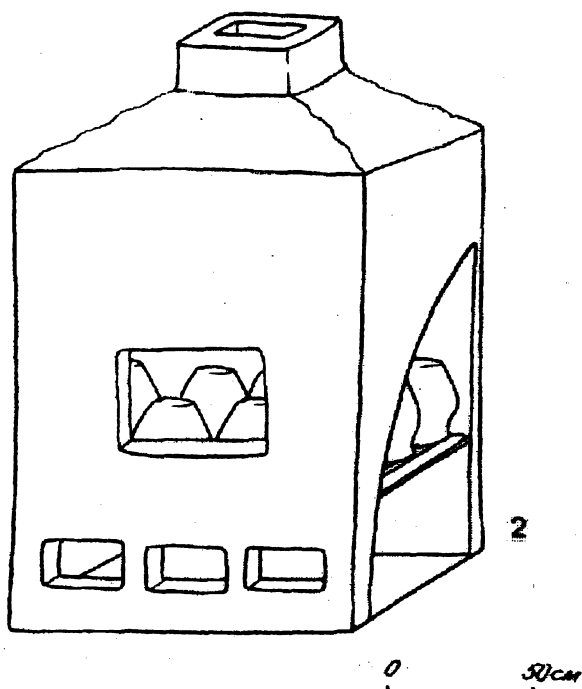
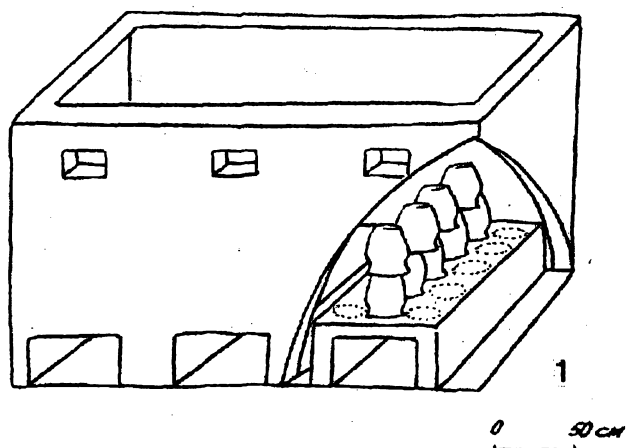

Рис. 6. Виды устройств для обжига сосудов:
 1 – гончарный горн (Глазовский район);
 2 – гончарный горн (Шарканский район)

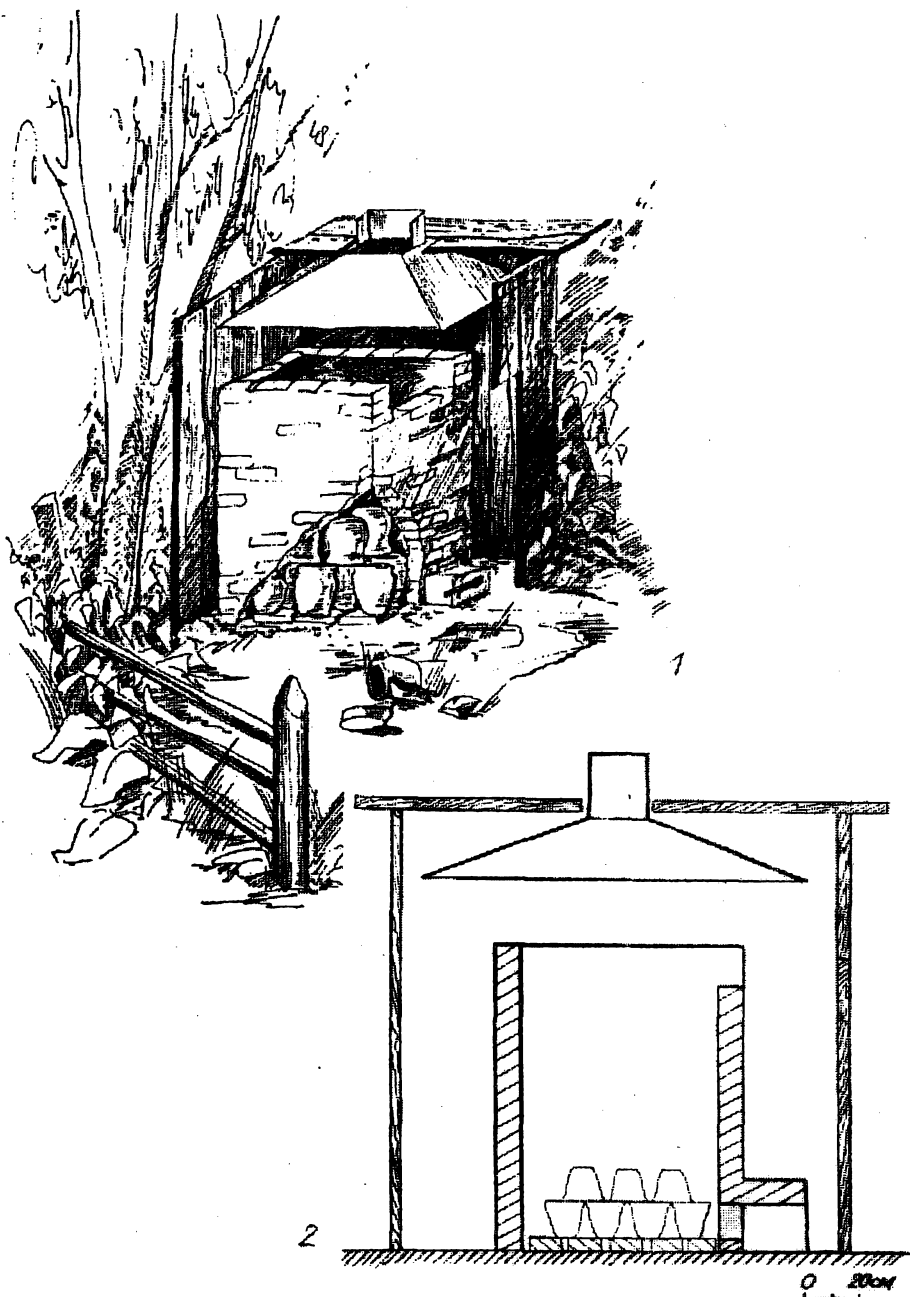

Рис. 7. Гончарный горн В.С. Микрюкова

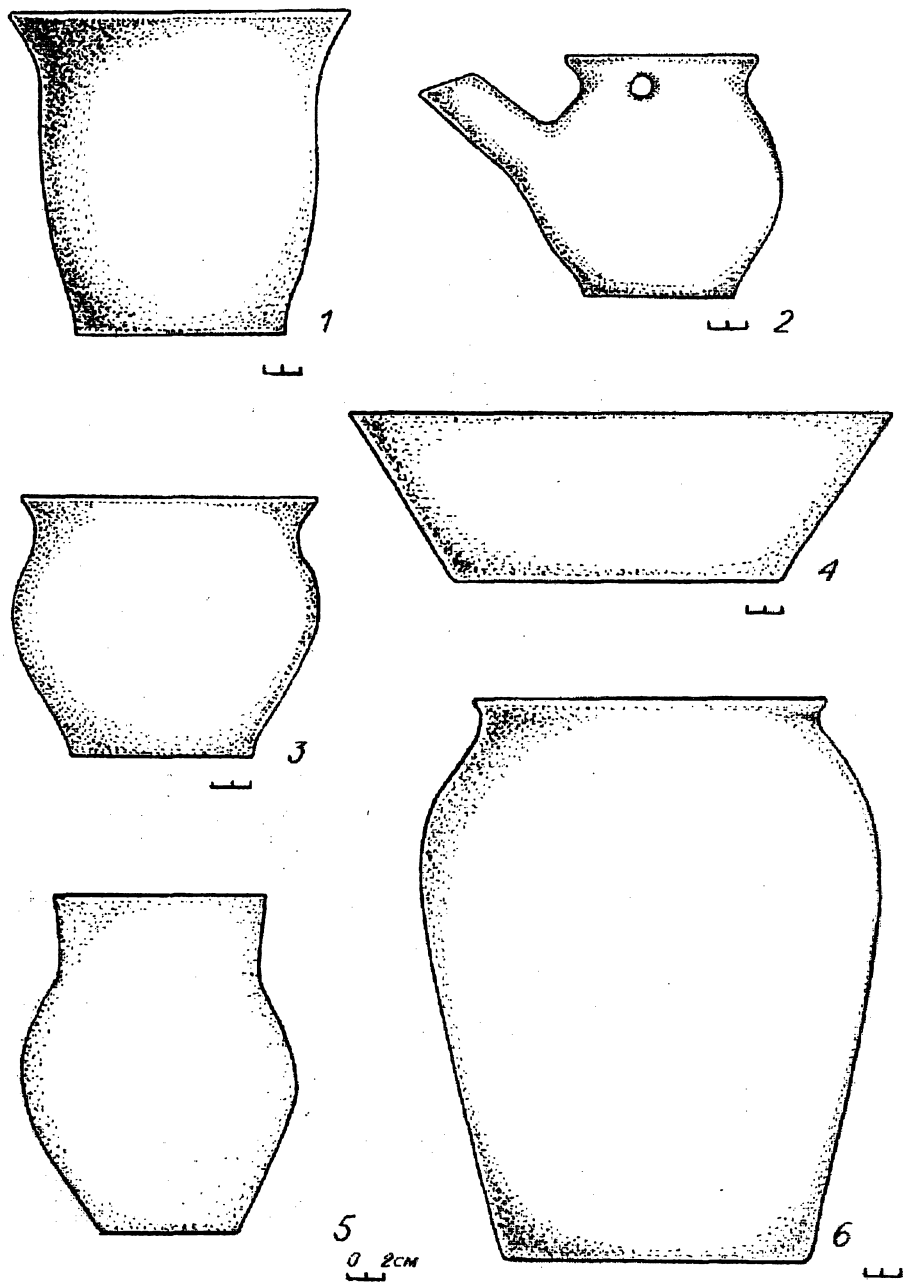

Рис. 8. Виды изделий В.С. Микрюкова

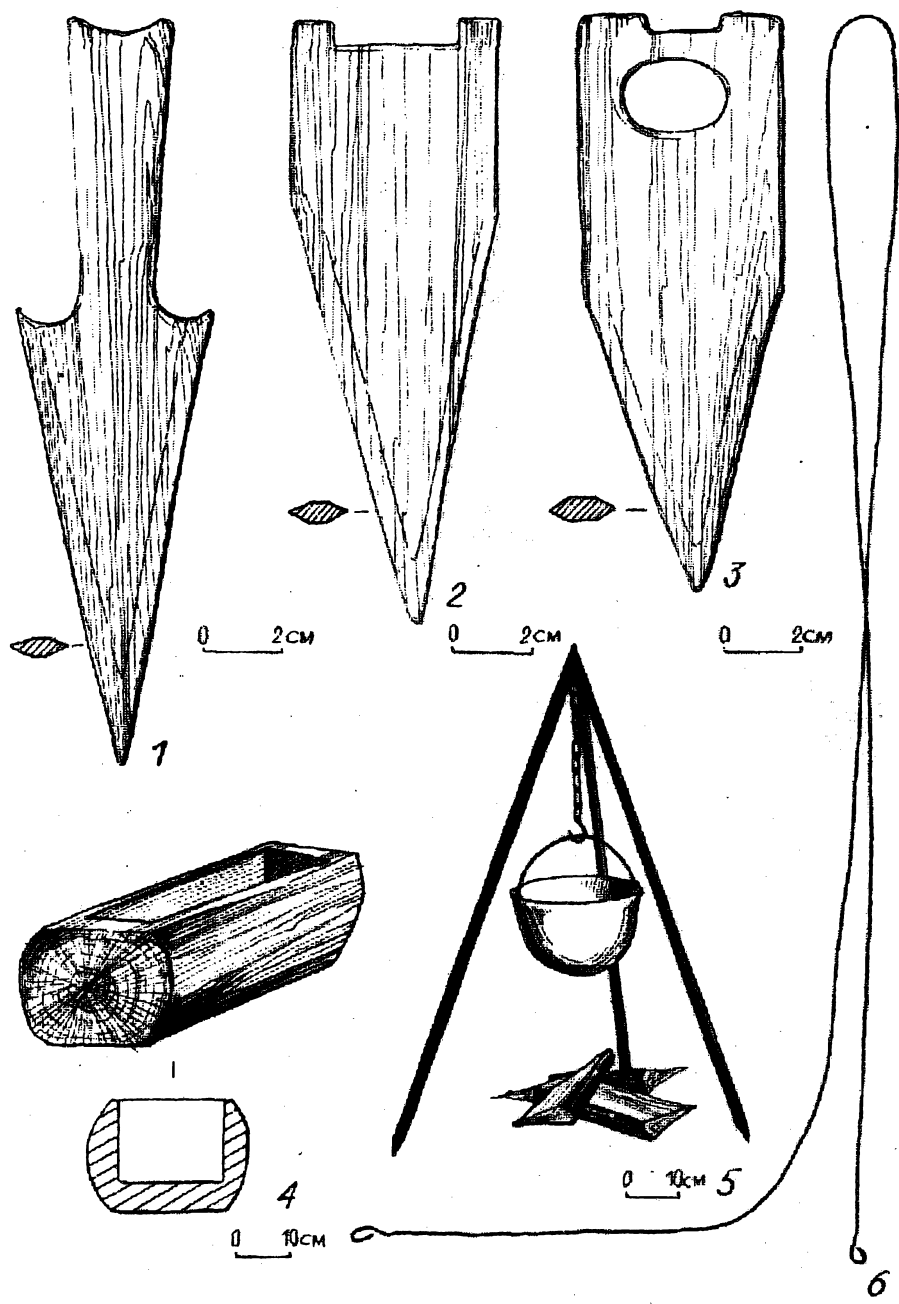

Рис. 9. Орудия труда гончаров

Рис. 10. Непостоянное рабочее место гончара

Условные обозначения:

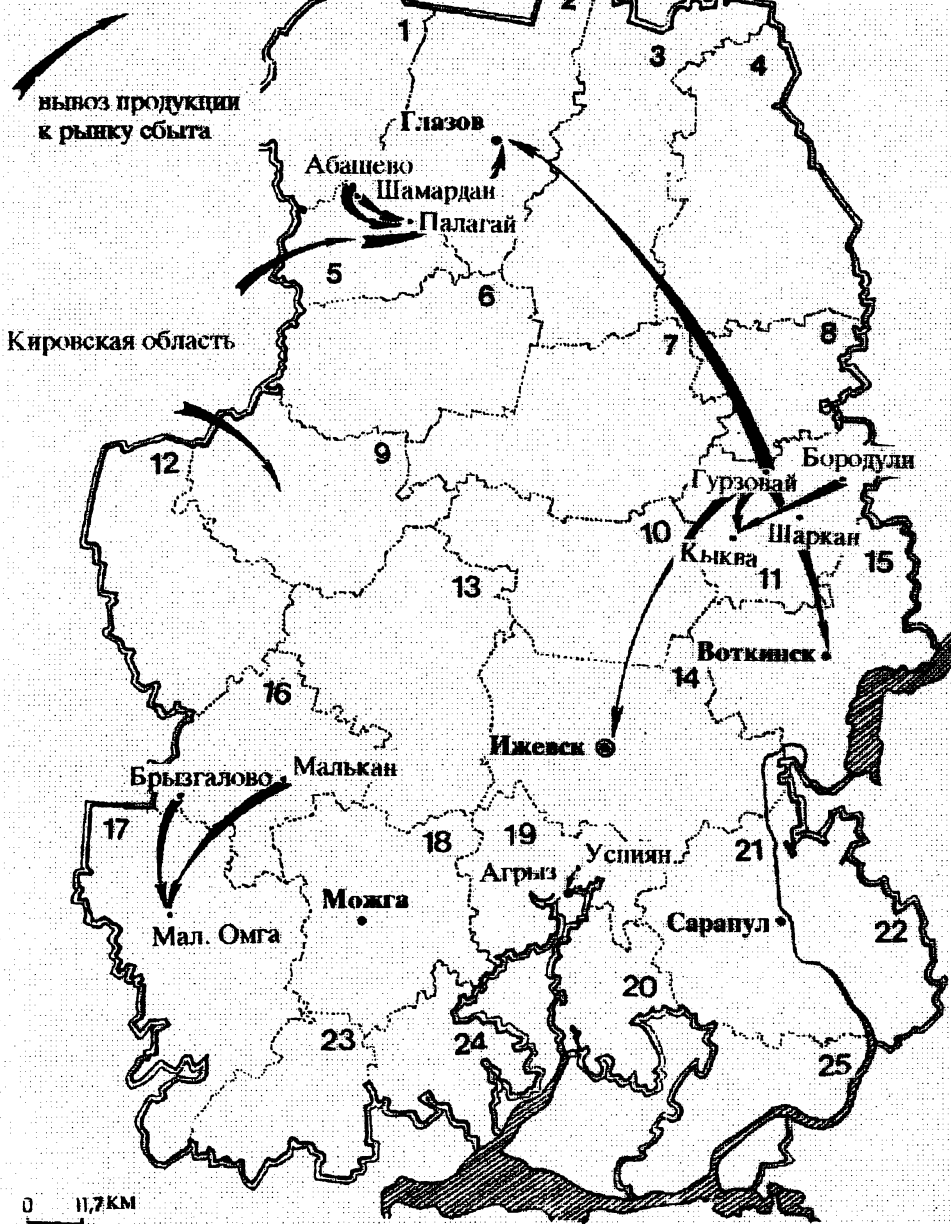

Рис. 11. Рынки сбыта гончарных изделий

Kazantseva O.A.

Some Notes About the Pottery Making in Udmurtia at the end of XIXth and the beginning of the XXth centuries A.D.

In this article for the first time one of the empirical sources on the pottery making for the Udmurtia are shown. The questionnaire data of 39 people are used in the analysis.

Some stages of ceramic technology are detailed on the basis of the materials received by Bobrinsky A.A.

in the sixties and by the author of the article in 1993.

As a result of the research specificity of the pottery making as the selection of raw material, the composition of the forming mass, treatment were reconstructed on the territory of Udmurtia.

Шапран И.Г.

**ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ МАРИЙЦЕВ БАССЕЙНА
ВЯТКИ XVI – НАЧАЛА XIX В. (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**

Одним из определяющих существенных источников для ответа на вопросы в области этнической истории любого народа является избежавший сильной модернизации традиционный костюм. Костюмный комплекс в определенном смысле можно рассматривать не только как элемент материальной культуры, но и как часть культуры духовной, т.к. изготовление многих элементов одежды и украшений требует немало воображения, творчества, затрат душевных сил. На развитии и изменении костюмного комплекса, особенно женского, в отличие от хозяйства, орудий

труда, жилища нивелирующее влияние миграционных факторов сказывается значительно медленнее. Следовательно, на фоне очевидного межэтнического и внутриэтнического многообразия женской одежды и украшений появляется возможность выделить общие и особенные признаки и компоненты. Часть этих признаков восходит к древности и указывает на общую подоснову и взаимосвязь на ранних этапах культурного развития народов, часть связывается с более поздним временем и свидетельствует о самостоятельном развитии тех или иных линий и направлений.